

УДК 821.161.1

Традиции древнерусской литературы в романной трилогии И.А. Гончарова («Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»)

Малявкина Ирина Сергеевна

Аспирант Челябинского государственного университета,
454001, Россия, г. Челябинск, ул. Бр. Башкирных, 129;
учитель русского языка и литературы Уйской средней
общеобразовательной школы Челябинской области;
e-mail: misira87@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена выявлению традиций древнерусской литературы в романах И.А. Гончарова. Общим моментом произведений разных эпох становится «сильная зрительная изобразительность», взаимосвязь слова и изображения. Традиционным становится обращение писателя к христианским образам и мотивам. Точкой соприкосновения можно назвать и мотив дороги как символа жизненного пути человека. В работе выявляются общее и различное в принципах создания образов: художественное обобщение, абстрагирование, цельность изображения. В статье также затрагивается вопрос бинарности мышления писателей Древней Руси и И.А. Гончарова, а также роль детали в произведениях.

Ключевые слова

Традиции, древнерусская литература, «сильная зрительная образность», Богородица, христианская вера, образ огня, мотив дороги, художественная деталь, хронотоп, принцип художественного обобщения, принцип абстрагирования, принцип цельности изображения.

Введение

Д.С. Лихачев, автор работ по поэтике древнерусской литературы, писал, что «без полного выявления всех художественных особенностей русской литературы XI – XVII вв. невозможно построение истории русской литературы»¹. Впервые отдельные наблюдения над художественными особенностями литературы XI – XVII веков появились в работах Ф.И. Буслаева, И.С. Некрасова, Н.С. Тихонравова, В.О. Ключевского.

В XX веке мы уже можем увидеть работы, излагающие взгляды авторов на художественную специфику и на художественный метод древнерусской литературы. Это статьи А.С. Орлова, В.П. Адриановой-Перетц, И.П. Еремина. Исследование Д.С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы» является наиболее полным и систематическим изложением художественных особенностей литературы XI – XVII веков и ее методов.

Целью данной статьи является выявление художественных связей литературы Древней Руси и романной трилогии И.А. Гончарова. Преемственность литератур двух разных

эпох может найти выражение во взаимоотношениях литературы и других видов искусства, в принципах построения образов, в отборе тем и сюжетов, в хронотопе.

«Зрительная изобразительность» литературы

В Древней Руси слово и изображение были связаны теснее, чем в новое время, мы видим взаимопроникновение этих видов искусства. Д.С. Лихачев писал: «Художник был нередко начитанным эрудитом, комбинируя сведения из различных письменных источников в росписях и миниатюрах. Даже в основе портретных изображений святых, князей и государей, античных философов или ветхозаветных и новозаветных персонажей лежала не только живописная традиция, но и литературная»². Иллюстрации являются своеобразным комментарием к произведению.

Живопись и иконопись Древней Руси стремились, можно сказать, «заговорить». Часто святые обращаются к молящимся, показывая им раскрытые книги, развернутые свитки.

¹ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979. – С. 1.

² Там же. – С. 16.

Взаимопроникновение слова и изображения помогает творцам передавать не мимолетное мгновение, а «вечное»: «Слово в изображении как бы останавливает время. Его помещают в гербах в качестве девиза – как вечное напоминание о неизменяющейся сущности символизируемого объекта. Оно помещается в иконах для выражения сущности изображаемого, при этом сущности не меняющейся»³.

Литература имела в Древней Руси, по словам исследователей, сильную зрительную изобразительность⁴. Рассказы о походах, победах и поражениях, о вокняжении на престол, о переговорах, свадебных пиршествах, убийствах зачастую сопровождали изображения. Иногда в одной миниатюре мы видим изображения 3-4 эпизодов, что помогает понять событие в его временной протяженности.

Многие гончароведы обращали внимание на изобразительность произведений писателя. Уже В.Г. Белинский отмечал, что Гончаров «поэт-художник»⁵. А. Дружинин проводит параллель между эпизодами романов

писателя и картинами художников фламандской школы: «Подобно фламандцам, г. Гончаров национален, неотступен в раз принятой задаче и поэтичен в малейших подробностях создания. Подобно им, он крепко держится за окружающую его действительность, твердо веруя, что нет в мире предмета, который не мог бы быть возведен в поэтическое представление силой труда и дарования. Как художник-фламандец, г. Гончаров не путается в системах и не рвется в области ему чуждые. Как Доу, Ван дер Нээр и Остад, он знает, что ему незачем ходить далеко за предметами творчества. Простой и даже как будто скупой на вымысел, подобно трем сейчас нами названным великим людям, г. Гончаров, подобно им, не выдает всей своей глубины поверхностному наблюдателю. Но, подобно им, он является глубже и глубже с каждым внимательным взглядом, подобно им, он ставит перед нашими глазами целую жизнь данной сферы, данной эпохи и данного общества»⁶.

Юрий Лощиц, размышляя в своей книге «Гончаров» над тем, когда же и где пробудился у Ивана Алексан-

3 Там же. – С. 20.

4 Там же. – С. 28.

5 Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // И. А. Гончаров в русской критике. – М.: Художественная литература, 1958. – С. 32.

6 Дружинин А.В. «Обломов», роман И. А. Гончарова // И.А. Гончаров в русской критике. – М.: Художественная литература, 1958. – С. 166.

дровича интерес к живописи, пришел к выводу, что это случилось скорее всего «в молодые годы – со времени посещения мастерской Николая Аполлоновича Майкова»⁷. С лета 1835 года И.А. Гончаров стал домашним учителем детей Майковых, получил доступ и в литературный салон в их доме, и в мастерскую опытного живописца.

Неравнодушие писателя к живописи доказывают его письмо Ю.Д. Ефремовой от 11 сентября 1857 г., предисловие к роману «Обрыв» (1869), критическая статья «Христос в пустыне. Картина г. Крамского» (1874). Микаэла Бёминг в статье «И.А. Гончаров о живописи» замечает, что «на первом месте как по частоте упоминаний, так и по продолжительности и глубине посвященных ему отрывков стоит Рафаэль, затем следуют Ге и Крамской, а также Тициан и Рубенс»⁸.

В письме Ю.Д. Ефремовой Гончаров пишет: «Хочу купить Николаю Аполл[оновичу] отличный снимок фотографический с рафаэлевой Мадонны<...>. Я от нее без ума: думал,

что во второй раз увижу равнодушно: нет – это говорящая картина, и не картина; это что-то живое и страшное. Все прочее бледно и мертво перед ней»⁹.

Гончаров в письмах и статьях сосредоточивает свое внимание на художественных полотнах на религиозную тему, особый интерес вызывают образы Христа и Богоматери. Увлечение образом Богоматери нашло яркое воплощение в романе «Обрыв».

В «Обрыве» Райский находится в постоянном поиске женщины, способной стать героиней романа. В орбиту его внимания попадают все женщины, находящиеся рядом. Е.В. Краснова в статье «Материнская сфера» в романах И.А. Гончарова писала: «В трилогии И.А. Гончарова присутствует особая «сфера», объединенная одной точкой зрения, общим субъектом сознания, носителем которого является героиня-женщина, символизирующая собой Дом, Семью, Уют»¹⁰.

7 Лощиц Ю. М. Гончаров. – М.: Молодая гвардия, 2004. – С. 43.

8 Бёминг М. И.А. Гончаров о живописи // Гончаров И.А. Материалы международной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения И.А. Гончарова. – Ульяновск: Печатный двор, 1998. – С. 230.

9 Гончаров И.А. Письмо Ю.Д. Ефремовой // Русские писатели об изобразительном искусстве. – Л., 1976. – С. 116.

10 Краснова Е. В. «Материнская сфера» в романах И. А. Гончарова // Гончаров И.А.: Материалы Международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. – С. 186.

Концепт материнской сферы, по мнению ученого, составляет идея бережной, неустанной женской заботы, безусловной, порой жертвенной любви к близким людям. Воплощением такой любви становится образ Богородицы.

В апокрифе «Хождение Богородицы по мукам» Богородица, увидев мучающихся в огне негасимом грешников, призывает всех ангелов молить Бога об их помиловании. Совершая свой «крестный путь» по горе Елеонской, Богородица принимает на себя часть боли грешников. Имеет смысл сопоставление образов бабушки из романа «Обрыв» и Богородицы. В традициях древнерусской литературы описано страдание Бережковой: «Она будто не сама ходит, а носит ее посторонняя сила. Как широко шагает она, как прямо и высоко несет голову и плечи и на них – эту свою «беду»! Она, не чуя ног, идет по лесу в крутую гору<...> Она все шла, осиливая крутую гору, и только однажды оперлась о дерево, положила на руки голову»¹¹.

В романе «Обрыв» Райский сопоставляет Веру со статуей, спокойной, постоянной, равнодушной к жизни. Но в конце романа мы видим

преображение, точнее одухотворение, казалось бы, неизменной сущности. Поддавшись минутному порыву, познав добро и зло, Вера преобразается: «Тихо поднимался со дна пропасти и вставал перед ним (Райским – И.М.) образ Веры, в такой обольстительной красоте, в какой он не видел ее никогда. Она примирительно смотрела на весь мир. Она стояла на своем пьедестале, но не белой, мраморной статуей, а живой, неотразимо пленительной женщиной»¹².

Творчески переработать образ, вдохнуть в него жизнь, наполнить «художественной правдой» помогает, по Гончарову, христианская вера, которая является почвой и духовной пищей творческой деятельности. Данную мысль подтверждает и символическое значение имени героини.

Размышления Гончарова о живописи связаны с его высказываниями о литературе, реализме как творческом методе. Писатель утверждает, что настоящий реализм рожден не столько умом, сколько сердцем. Только так художник может творить не простую копию действительности, а живой образ, возвышающийся над суетой нынешнего дня и стремящийся к вечному.

11 Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8-ми тт. – Т 6. Обрыв. – М.: Художественная литература, 1980. – С. 318.

12 Там же. – С. 450.

Изобразительность слова проявляется и в описании пиршества в Обломовке. Данное описание можно сравнить с созданием натюрморта. Кроме того, в романной трилогии наглядным становится пристрастие писателя к портретным и пейзажным зарисовкам.

М.Г. Уртминцева свою работу посвящает портретной живописи в романе И.А. Гончарова «Обломов»: «Портреты его персонажей написаны в технике, близкой к акварели или масляной живописи: каждый последующий эпизод романа кладет свою краску, вносит свой штрих в уже намеченные контуры»¹³.

Гончаров в своих романах, по мнению исследователя, предпочитал изображать то, что практически всегда находится на периферии восприятия читателя – второстепенные состояния, не передающие сразу и ярко суть характера. М.Г. Уртминцева подробно анализирует фон, на котором дан портрет Обломова: «Другая «примета» фона, на котором первоначально дана фигура главного героя, – серый цвет всего, что имеет отношение к Захару, в свою очередь выдвинуто-

го на «передний» план картины. На фоне цветовой гаммы, не окрашенной яркими красками, появляется и перекликающееся с ней изображение фигуры и лица Обломова, не имеющего определенного «цвета»: «ни румяный, ни смуглый, ни положительно бледный, а безразличный или казавшийся таким <...>»¹⁴.

Писатель не только словом знакомит с сюжетом романа, но и стремится дать читателю изображения, для этого он тщательнейшим образом выписывает каждую деталь, особое внимание при этом обращает на интерьер, на вписанность человека в мир вещей. Взаимопроникновение слова и изображения – отличительная черта творчества Гончарова.

Образ огня в древнерусской литературе и романах И.А. Гончарова

Образ огня – один из основных образов в формировании представления человека о мире. Образ огня полисемантичен, что объясняется двойственностью его природы. Данный образ включает в себе как созидательное, так и разрушающее начало.

¹³ Уртминцева М.Г. Портретная живопись в романе И. А. Гончарова «Обломов» // Литература в школе. – 2006. – № 2. – С. 19.

¹⁴ Там же. – С. 21.

Свое воплощение образ огня получил и в древнерусской литературе. Огонь упоминается при описании Творения, при явлении Бога. В ряде агиографических памятников описано явление огненного столпа. Огненный столп видят над телом Глеба («Сказание о Борисе и Глебе»), огненный столп восходит к небу, знаменуя смерть Феодосия Печерского. Древнерусские книжники истолковывали появление огненного столпа как явление ангела. Огонь – свидетельство божественного присутствия.

В «Видении Хутынского пономаря Тарасия» и в других произведениях образ огня возникает при выражении божьего гнева: «И видит он, как множество ангелов стреляют огненными стрелами, и летят эти стрелы словно сильный дождь из тучи, поражая всех жителей Новгорода – и мужчин, и женщин, и детей»¹⁵. В апокрифе «Хождение Богородицы по мукам» огонь, огненная река – место мучений грешников: «Тогда повернулись херувимы и серафимы и четверста ангелов, привели Богородицу на южную сторону, где протекала огнен-

ная река, там было множество мужей и жен...»¹⁶.

Но Огонь также ассоциируется и со светом, с духовной мудростью и зрелостью человека.

Огонь – символ любви. Если любовь – это очистительный огонь, источник энергии, то ревность – огонь адский. В Песне Песней любовь выступает центральным мотивом «...ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы ее – стрелы огненные; она пламень весьма сильный. Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее...» (Песн. 8:6,7). В словах Исаака Сирина мы встречаем представление о преисподней как о «биче любви»: «Говорю же, что мучимые в геенне поражаются бичом любви! <...> любовь силою своей действует двояко: она мучит грешников, как и здесь случается терпеть друг от друга, и веселит соблюдавших долг свой...»¹⁷.

Попытки определения содержания образа огня в художественной системе Гончарова проводились уче-

15 Видение Хутынского пономаря Тарасия // Библиотека русской фантастики: В 20-и тт. – Т. 1. Сказания о чудесах. – М.: Советская Россия, 1990. – С. 152.

16 Хождение Богородицы по мукам // Библиотека русской фантастики: В 20-и тт. – Т. 1. Сказания о чудесах. – М.: Советская Россия, 1990. – С. 28.

17 Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hesychasm.ru/library/isaaksr/>

ными только на примере романа «Обломов». Имеются в виду работа В.Я. Звенияцковского «Мифологема огня в романе «Обломов», статья Н.Л. Ермолаевой «Архетип огня в романе И.А. Гончарова «Обломов».

В.Я. Звенияцкий¹⁸ связывает мифологему огня прежде всего с образом Ильи-пророка: «Грозы не страшны, а только благотворны там (в Обломовке – *И.М.*); бывают постоянно в одно и то же установленное время, никогда не забывая почти Ильина дня».

И тогда огонь является символом жизненных сил: « – Знаешь ли, Андрей, ведь в моей жизни никогда не загоралось никакого, ни спасительного, ни разрушительного огня <...>. Нет, жизнь моя началась с погасания. Начал я гаснуть над писаньем бумаг в канцелярии; гаснул потом, вычитывая в книгах истины, с которыми не знал, что делать в жизни <...>»¹⁹.

После ученый говорит об огне – символе любви, обращается к библей-

ским текстам, возводит женские образы к библейским архетипам: «Если Агафья Пшеницына – «сидонская вдова», то Ольга Ильинская – это, конечно, «царица Иезавель»²⁰. По мнению ученого, между Ольгой и Ильей разгорается любовь-эрос, а также любовь-филео, условная любовь, когда любят за что-то²¹. Высшее проявление любви – это любовь-агапэ, любовь Агафьи Матвеевны Пшеницыной.

Н.Л. Ермолаева также связывает мотив огня в романе с образом Ильи пророка, но толкует его скорее в славянском ключе. Исследователь противопоставляет любовь Агафьи и Обломова, «языческую любовь», любви Ольги и Штольца, «христианской любви»: «Для Ольги и Штольца, за которыми в романе будущее, главной жизненной опорой становится христианство <...> главное в отношениях героев не пожар любви, а свет разума...»²².

18 Звенияцкий В.Я. Мифологема огня в романе «Обломов» // Гончаров И.А. Материалы международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. – С. 82-92.

19 Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8-ми тт. – Т. 4. Обломов. – М.: Художественная литература, 1979. – С. 186.

20 Звенияцкий В.Я. Мифологема огня в романе «Обломов» // Гончаров И.А. Материалы международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. – С. 88.

21 Там же. – С. 89.

22 Ермолаева Н.Л. Архетип огня в романе И.А. Гончарова «Обломов» // Духовная жизнь провинции. Образы. Символы. Картина мира: Материалы Всероссий-

Таким образом, в романе «Обломов» огонь является символом жизненных сил и символом любви: «Щеки и уши рдели у нее от волнения; иногда на свежем лице ее вдруг сверкала игра сердечных молний, вспыхивал луч такой зрелой страсти, как будто она сердцем переживала далекую будущую пору жизни <...> И в Обломове играла такая же жизнь <...> Оба они, снаружи неподвижные, разрывались внутренним огнем <...> Все это симптомы тех страстей, которые должны, по-видимому, заиграть некогда в ее молодой душе, теперь еще подвластной только временным, летучим намекам и вспышкам спящих сил жизни»²³. Набор лексем (сверкала, молний, вспыхивал луч, страсть, внутренний огонь, вспышки) отсылает к анализу значений образа огня.

В романе «Обрыв» огненная символика связана прежде всего со страстями, охватывающими героев. Это не только страсть физическая, духовная, но и страсть творческая.

К древнерусским традициям восходит символическое изображение ревности как адского огня. Райский-

ской научной конференции. — Ульяновск: УлГТУ, 2003. — С. 42.

23 Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8-ми тт. — Т. 4. Обломов. — М.: Художественная литература, 1979. — С. 205.

страдает от мук ревности: «Он захохотал снова, как будто застонал. Потом вдруг замолчал и схватился за бок. — О, как больно здесь! — стонал он. — Вера — кошка! Вера — тряпка... из тех падших, жалких натур, которых поражает пошлая, чувственная страсть — обыкновенно к какому-нибудь здоровому хаму!... <...> — с яростью шипел он, — о, мщение, мщение! <...> Погибай же ты, жалкая самка, тут, на дне обрыва, как тот бедный самоубийца! Вот тебе мое прощание!...»²⁴[6, 271].

В этой сцене страсть выжигает в Райском огонь гнева и ревности. Дождаясь возвращения Веры, «он избрал для наблюдения беседку из акаций». «До света он сидел там, как на углях — не от страсти, страсть как в воду канула. <...> Нет, он сгорал неодолимым желанием взглянуть Вере в лицо, новой Вере, и хоть взглядом презрения заплатить этой «самке» за ее позор, за оскорбление...!».

Кроме того, огонь — это и символ возмездия, наказания, «бича божьего»: «— Ах! — вскрикнула она отчаянным голосом, хотела встать и не могла, — вы ругаетесь надо мной...

24 Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8-ми тт. — Т. 5. Обрыв. — М.: Художественная литература, 1979. — С. 274.

ругайтесь – возьмите этот бич, я стою!...»²⁵.

Точкой соприкосновения литературы XI – XVII веков и романов Гончарова стал образ очистительного огня как символа любви, адского огня как символа ревности, поражающий огонь как символ «Бича божьего», наказания. Новым, по сравнению с древнерусской литературой, становится обращение к образу огня как к символу жизненных сил.

Особенности хронотопа в романах И.А. Гончарова

Мотив дороги издавна привлекал художников, творцов, начиная с эпохи устного народного творчества, древнерусской литературы и по сей день.

Мотив дороги в искусстве древней Руси представлен многими произведениями различных жанров. Это и «Слово о полку Игореве», и «Задонщина», «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, «Хождение Богородицы по мукам», «Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесу в Иерусалим», и «Житие протопо-

па Аввакума, им самим написанное». Дорога символизирует не только конкретный путь, проделанный героями, но и жизненный путь, с его тревогами, лишениями, испытаниями. Кроме того, дорога – это еще и способ познать мир.

Данный семантический ряд продолжен в произведениях русских писателей последующих эпох. Это Н.М. Карамзин, А.Радищев, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов и другие. Не стал исключением и И.А. Гончаров.

В каждой части трилогии два главных топоса (дворянская усадьба – Петербург) и две временные точки («было–стало»). Объединяет пространственные и временные координаты мотив дороги и изменения героя.

Сюжет трилогии составляет жизненный путь героев в существенных моментах, что реализуется с помощью мотива дороги. Дорога у Гончарова – это и перемещение в пространстве: Грачи – Петербург – Грачи, Гороховая улица – Выборгская сторона, Петербург – Малиновка – Италия. Но это и внутреннее изменение героев, внутренний, духовный путь, который проделали герои. Мотив дороги объединяет романы в трилогию.

Организация хронотопа романной трилогии укладывается в рамки

25 Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8-ми тт. – Т 6. Обрыв. – М.: Художественная литература, 1980. – С. 298.

притчи о блудном сыне. В «Обыкновенной истории» мы видим оставление героем дворянского гнезда (Грачи), в «Обломове» – жизнь в городе, а Обломовка представлена только во сне; в третьей части трилогии герой возвращается в усадьбу и, обновленный, вновь покидает ее. Гончаров выходит на философский уровень обобщения, на новый этап развития человека – человек в постоянном поиске, в постоянном пути.

Есть ли общие моменты в организации хронотопа в литературе Древней Руси и в романах Гончарова?

В эстетике фольклора время замкнуто. Оно начинается с началом произведения и заканчивается в нем. Исторически время фольклорных жанров не определено. Древнерусской же автор стремится изобразить объективно существующее время, независимое от того или иного восприятия его. Когда повествователь стремился передать событие со всеми подробностями, повествование как бы замедлялось. «Действие замедлялось почти до реального, когда требовалась картинность описания», – отмечал Д. С. Лихачев²⁶.

Уместно вспомнить день Илюши Обломова в «Сне Обломова»,

26 Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979. – С. 209.

медленность и повторяемость этого дня, выписанного тщательно с мельчайшими подробностями; статическое описание типического русского сельского пейзажа. Многократно повторяющееся, циклическое время. В тексте мы видим описание всех времен года: «Правильно и невозможно совершается там годовой круг. По указанию календаря наступит в марте весна, побегут грязные ручьи с холмов <...>. Все идет обычным, предписанным природой общим порядком»²⁷.

Д.С. Лихачев в книге «Поэтика древнерусской литературы» один параграф посвящает анализу нравоописательного времени у И.А. Гончарова²⁸.

Учительная литература Древней Руси подчиняла настоящее время задачам нравоописания и нравоучения. В этом ряду мы можем провести параллель между «Обыкновенной историей» И.А. Гончарова и «Повестью о Горе-Злочастии» (XVII в.).

Предметом изображения в данных произведениях является станов-

27 Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8-ми тт. – Т. 4. Обломов. – М.: Художественная литература, 1979. – С. 102-103.

28 Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979. – С. 252-258.

ление личности молодого человека, его желание «жители, как ему любо»²⁹. Герои проходят путь (объединяющим моментом становится мотив дороги) от момента разрыва с традициями предков («пошел он на чужую страну, далну, незнаему...»³⁰), к утверждению оригинальности своей личности и своего жизненного пути через преодоление цепи искушений.

И повесть XVII века, и роман Гончарова можно отнести к произведениям воспитательной направленности. «Милое наше чадо, послушай учения родительского, послушай пословицы добрыя, и хитрыя, и мудрыя, не будет тебе нужды великия»³¹, – поучают родители молодца. В «Обыкновенной истории» слова напутствия, поучения принадлежат как матери Александра, так и Петру Ивановичу.

Н.Д.Старосельская указывает, что «в «Обыкновенной истории» впервые на отечественном материале раскрывается тема утраченных иллюзий юности, прощания с романтическими грезами, которые приходят в противо-

речие с реальной жизнью и грубо копируются ею»³². Можно сказать, что перед нами своего рода роман воспитания, которых в русской литературе было немного.

Роль детали в произведениях древнерусской литературы и романах И.А. Гончарова

Д.С. Лихачев, характеризуя особенности древнерусской литературы, отмечает роль деталей в произведении, которые направляют внимание читателя: «Каждый жест «остановлен» художником именно в тот момент, который наиболее выразителен для события: занесена сабля, рука поднята для благословения или для указания, указующий перст четко вырисовывается над группой людей»³³.

Е. Краснова, рассуждая в статье о фламандском стиле Обломова, отмечает, что деталей, собственно, у писателя нет. Все описываемое изображается с одинаковой тщательностью и вниманием. Все равноценно и значимо: «...Мелочи быта поднимаются до человека. Человек слит с

29 Повесть о Горе-Злочастии // Библиотека русской фантастики: В 20-и тт. Т. 2. Звездочет. – М.: Советская Россия, 1990. – С. 9.

30 Там же. – С. 11.

31 Там же. – С. 8.

32 Старосельская Н.Д. Роман И.А. Гончарова «Обрыв». – М., 1990. – С. 23.

33 Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979. – С. 37.

окружающей действительностью, отражается в ней, а она – в нем»³⁴.

Но нельзя забывать о сюжетной роли детали у Гончарова. Так, «настоящий восточный халат», в котором просторно и привольно, помогает передать созерцательность характера Обломова. На первых же страницах мы видим Обломова в халате. Под влиянием Штольца Илья Ильич на некоторое время отказывается от него. Сцена возвращения халата поднимается до символического обобщения: «Илья Ильич почти не заметил, как Захар раздел его, стащил сапоги и накинул на него халат <...> Сердце было убито: там на время затихла жизнь»³⁵. Бытовая деталь подсказывает читателю, что жизненный цикл героя замкнулся.

Деталь у Гончарова наполняется психологическим и лирическим содержанием. Ветка сирени становится символом любви, непростой и мучительной: «Он набрел на ландыши, которые уронила Ольга, на ветку сирени, которую она сорвала и с доса-

дой бросила»³⁶. Вторичное появление детали в тексте знаменует начало конца, как и возвращение халата: «Уж не цвести сиреням в августе».

В статье «Деталь в художественном мире Гончарова и Чехова» Н.П. Гришечкина замечает, что Гончаров сталкивает мир быта и мир высокой трагедии, трагедии человеческой жизни³⁷.

Деталь у Гончарова психологически и символически наполнена. Детали же в древнерусской литературе выполняют направляющую и поучающую функции.

Принципы создания образов в литературе разных эпох. Заключение

Образ в литературе Древней Руси создавался с опорой на принципы абстрагирования, художественного обобщения и цельности изображения. Принцип абстрагирования при создании образа в древнерусской литературе предполагал взгляд на явления приро-

34 Краснова Е. Фламандский стиль Обломова: мотив «еды» и его функции в романе «Обломов». // Я иду на урок литературы. 10 класс. Книга для учителя. – М.: Первое сентября, 2000. – С. 51.

35 Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8-ми тт. – Т. 4. Обломов. – М.: Художественная литература, 1979. – С. 383.

36 Там же. – С. 219.

37 Гришечкина Н.П. Деталь в художественном мире Гончарова и Чехова // Гончаров И.А. Материалы международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И.А. Гончарова. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. – С. 248.

ды, на человеческую жизнь, на исторические события как на проявления вечного, вневременного, духовного.

И.А. Гончаров также стремится в своих произведениях провидеть во временном и повседневном вечное, неизменное. Ярким примером являются отсылки к текстам предшествующих эпох, библейские, фольклорные и литературные реминисценции и аллюзии. Так, в образе Обломова мы видим черты Емели из русской сказки, Ильи Муромца, Ильи-пророка, Христа, мистера Пиквика, Гамлета, Дон-Кихота, что позволяет говорить о феномене Обломова не только как о порождении именно этой эпохи, но и как о «вечном» типе.

Принцип цельности изображения в древнерусской литературе предполагал всестороннее освещение образа. Так, по указанию Д.Лихачева, средневековый художник стремился изобразить предмет развернутым во всех его существенных деталях. В древнерусских литературных произведениях нет ничего, что выходило бы за пределы повествования. В изложении отобрано только то, о чем может быть рассказано полностью.

Данный принцип, например, в романе «Обломов» реализован наиболее ярко в сцене «Сон Обломова»: ста-

тичность, неподвижность образов, многократная повторяемость, цикличность времени, замкнутость пространства.

Кроме того, все герои романа группируются вокруг Ильи Ильича, он центр романа. Да и сам Обломов, специфика его образа, как бы высвечивается сквозь призму своих отношений с посетителями, с Ольгой, Штольцем, с Захаром и жителями Выборгской стороны. Ведущим у Гончарова является какой-либо один главный образ. Остальные же образы автор «нечаянно захватывает по дороге», следуя логике развития повествования. В результате само их появление означает, что одна из черт главного образа нуждается в усиленном выявлении. Эти новые образы служат как бы зеркалами, отражающими первичный образ и тем самым подчеркивающими одну из его сторон.

Исследователи древнерусской литературы отмечают бинарность мышления средневековых художников. Основным принципом построения романной трилогии Гончарова является антитеза. Герои романов представлены по принципу антитезы. Во всех трех романах есть герой, чувствительный, романтический, творческая натура, и его антагонист, человек рациональный. Александр – Петр Адуев, Обломов – Штольц, Райский –

Марк. Не исключение и женские образы: Ольга – Агафья Пшеницына, Вера – Марфенька, Вера – Софья Беловодова. Только в «Обыкновенной истории» последовательного противопоставления женских образов нет. Это связано с тем, что женщины в этом романе играют служебную роль: помогают раскрыть характер Александра.

Нужно сказать, что не только герои создают ряд оппозиций. Противоположные начала могут сосуществовать в одном персонаже. Образ Петра Адуева амбивалентен. Рациональный человек, он вместе с тем проявляет заботу о племяннике и жене, развенчивает мечты Александра, но в то же время выполняет роль пастыря. Все, что изображено в романах, соотносится с полюсами: разумным и чувственным, рациональным и иррациональным, временным и вечным, настоящим и прошлым, и имеет две стороны: материальную и духовную. А материальное оценивается через соприкосновение с духовным.

Образы в древнерусской литературе и в романной трилогии И.А. Гончарова строятся на основе одних принципов: принцип художественного обобщения, принцип абстрагирования и принцип цельности изображения. Конечно, наполнение образов различно, что обусловлено реалиями современной жизни, воспринятым мировым опытом. Но стремление подняться к вечному через осознание особенностей временного позволяет произведениям разных эпох вести диалог.

Литература XIX века возникла не на пустом месте. Ее появлению предшествовали древнерусская литература и литература XVIII века. Накопленный опыт в создании художественных образов, в принципах отбора материала и приемах претворения идей, мыслей и чувств в законченное произведение оказался воспринятым художниками следующей эпохи. Именно поэтому мы можем говорить о традициях древнерусской литературы в романной трилогии И.А. Гончарова.

Список литературных источников

1. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // И. А. Гончаров в русской критике. – М.: Художественная литература, 1958. – С. 27-53.

2. Бёминг М. И.А. Гончаров о живописи // Гончаров И.А. Материалы международной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения И.А. Гончарова. – Ульяновск: Печатный двор, 1998. – С. 229-233.
3. Видение Хутынского пономаря Тарасия // Библиотека русской фантастики: В 20-и тт. – Т. 1. Сказания о чудесах. – М.: Советская Россия, 1990. – С. 151-153.
4. Гончаров И.А. Собрание сочинений. В 8-ми томах. – Т. 1. Обыкновенная история. Произведения 1838-1842-х гг. – М.: Художественная литература, 1977. – 526 с.
5. Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8-ми тт. – Т. 4. Обломов. – М.: Художественная литература, 1979. – 534 с.
6. Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8-ми тт. – Т. 5. Обрыв. – М.: Художественная литература, 1979. – 384 с.
7. Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8-ми тт. – Т. 6. Обрыв. – М.: Художественная литература, 1980. – 517 с.
8. Гончаров И.А. Письмо Ю.Д. Ефремовой // Русские писатели об изобразительном искусстве. – Л., 1976. – С. 116.
9. Гришечкина Н.П. Деталь в художественном мире Гончарова и Чехова // Гончаров И.А. Материалы международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И.А. Гончарова. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. – С. 244-248.
10. Дружинин А.В. «Обломов», роман И. А. Гончарова // И.А. Гончаров в русской критике. – М.: Художественная литература, 1958. – С. 161-184.
11. Ермолаева Н.Л. Архетип огня в романе И.А. Гончарова «Обломов» // Духовная жизнь провинции. Образы. Символы. Картина мира: Материалы Всероссийской научной конференции. – Ульяновск: УлГТУ, 2003. – С. 40-46.
12. Звиняцковский В.Я. Мифологема огня в романе «Обломов» // Гончаров И.А. Материалы международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. – С. 82-92.
13. Краснова Е.В. «Материнская сфера» в романах И. А. Гончарова // Гончаров И.А.: Материалы Международной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2003. – С. 186-194.

14. Краснова Е. Фламандский стиль Обломова: мотив «еды» и его функции в романе «Обломов» // Я иду на урок литературы. 10 класс. Книга для учителя. – М.: Первое сентября, 2000. – С. 50-62.
15. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979. – 303 с.
16. Лошиц Ю. М. Гончаров. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 368 с.
17. Повесть о Горе-Злочасти // Библиотека русской фантастики: В 20-и тт. Т. 2. Звездочтец. – М.: Советская Россия, 1990. – С. 7-19.
18. Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hesychasm.ru/library/isaaksr/>
19. Сказание об Евстафии Плакиде // Библиотека русской фантастики: В 20-и тт. – Т 1. Сказания о чудесах. – М.: Советская Россия, 1990. – С. 42-52.
20. Старосельская Н.Д. Роман И.А. Гончарова «Обрыв». – М., 1990. – 223 с.
21. Уртминцева М.Г. Портретная живопись в романе И. А. Гончарова «Обломов» // Литература в школе. – 2006. – № 2. – С. 19-22.
22. Хожение Богородицы по мукам // Библиотека русской фантастики: В 20-и тт. – Т 1. Сказания о чудесах. – М.: Советская Россия, 1990. – С. 27-31.

**The traditions of Old Russian literature in
I.A. Goncharov's novel trilogy ("A common story",
"Oblomov", "The Precipice")**

Malyavkina Irina Sergeevna

Postgraduate student, Chelyabinsk State University,
Post Box 454001, Brat'ev Bashkirnykh st., 129, Chelyabinsk, Russia;
teacher of Russian language and literature,
Uiskaya secondary school, Chelyabinsk region;
e-mail: misira87@mail.ru

Abstract

The subject of our work is the traditions of Old Russian literature. The object of analysis is I.A. Goncharov's novel trilogy. Purpose of the article is reveal-

ing continuity of literature from different eras. We are making the comparison at the levels of style, imagery, imaging principles, motives and chronotope. "Strong visual depiction" is a common feature of Old Russian literature as well as works of Goncharov. The writer uses portrait, landscape sketches, carefully writes out every detail, draws particular attention to the interior and marks the refinement of a person into the world of things. The writer's appeal to the Christian images and motifs becomes traditional. For example, the images of Virgin Mary and Christ, the faith and the flame. In the Old Russian literature the fire is a place of torment for sinners and at the same time also is a reflection of light, practical wisdom of man, and a symbol of love, too. In Goncharov's novel "Oblomov" the image of fire is an expression of human vitality, and in the novel "The Precipice" fire is primarily associated with the passions that rule the characters. The motif of the road can serve as a point of contact and as a symbol of man's life course. This is what is fully approved by comparative analysis of Goncharov's "A common story" and Old Russian folk composition "The tale of Woe – Misfortune". In the novels of the writer there are two main toposes (aristocratic estate – St. Petersburg) and two points in time ("it was – it is"). The motive of the road and change of the hero unites these spatial and temporal coordinates. Goncharov bases on the principles of creating images that were already known in Old Russian literature: the artistic generalization, abstraction, the integrity of the images. In the literature of Old Russia detail directs the reader's attention. In Goncharov's novels it carries a certain function in the plot and is filled with psychological and lyrical content, finally rising to the level of the symbol. Identification of the traditions of Old Russian literature in the novel trilogy of I.A. Goncharov proves the thesis of the continuity of the literature on the susceptibility of the creator of previous generations experience.

Keywords

Traditions, Old Russian literature, "strong visual imagery," Virgin Mary, Christian faith, the image of fire, the motif of the road, a piece of art, chronotope, the principle of artistic generalization, principle of abstraction, the principle of integrity of the image.

References

1. Belinsky, V.G. "Russian literature survey in 1847" ["Vzglyad na russkuyu literaturu 1847 goda"], in Belinsky, V.G. (1958), *Goncharov in Russian criticism* [*I. A. Goncharov v russkoi kritike*], Khudozhestvennaya literature, Moscow, pp. 27-53.
2. Beming, M. (1998), I.A. Goncharov about painting ["I.A. Goncharov o zhivopisi"], Goncharov I.A., *Proceedings of the international conference on the 185th anniversary of I.A. Goncharov* [*Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 185-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Goncharova*], Pechatnyi dvor, Ulyanovsk, pp. 229-233.
3. "Vision of Khutyn sexton Tarasios" ["Videnie Khutynskogo ponomarya Tarasiya"], in *Library of Russian fiction* [*Biblioteka russkoi fantastiki*], Sovetskaya Rossiya, 1990, Vol. 1, pp. 151-153.
4. Goncharov, I.A. (1977), *Collected Works. In 8 vols. Vol. 1. A Common Story. Works of 1838-1842's.* [*Sobranie sochinenii. V 8-mi tomakh. T. 1. Obyknovennaya istoriya. Proizvedeniya 1838-1842 gg.*], Khudozhestvennaya literature, Moscow, 526 p.
5. Goncharov, I.A. (1979), *Collected Works: In 8 vols. Vol. 4. Oblomov* [*Sobranie sochinenii: V 8-mi tt. T. 4. Oblomov*], Khudozhestvennaya literature, Moscow, 534 p.
6. Goncharov, I.A. (1979), *Collected Works: In 8 vols. Vol. 5. The Precipice.* [*Sobranie sochinenii: V 8-mi tt. T. 5. Obryv*], Khudozhestvennaya literature, Moscow, 384 p.
7. Goncharov, I.A. (1980), *Collected Works: In 8 vols. Vol. 6. The Precipice.* [*Sobranie sochinenii: V 8-mi tt. Vol. 6. Obryv*], Khudozhestvennaya literature, Moscow, 517 p.
8. Goncharov, I.A. (1976), "A letter to Yu.D. Efremova" ["Pis'mo Yu.D. Efremovoi"] in *Russian writers on art* [*Russkie pisateli ob izobrazitel'nom iskusstve*], Leningrad, p. 116.
9. Grischechkina N.P. (2003), "Detail in the art world of Goncharov and Chekhov" ["Detal' v khudozhestvennom mire Goncharova I Chekhova"], Goncharov I.A., *Proceedings of the international conference on 190th anniversary of I.A. Goncharov* [*Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 190-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Goncharova*], Korporatsiya tekhnologii prodvizheniya, Ulyanovsk, pp. 244-248.

10. Druzhinin, A.V. (1958), "Oblomov", a novel by I.A. Goncharov ["Oblomov", roman I. A. Goncharova"], in *I.A. Goncharov in Russian criticism [I.A. Goncharov v russkoi kritike]*, Khudozhestvennaya literature, Moscow, pp. 161-184.
11. Ermolaeva, N.L. (2003), "The archetype of the fire in I.A. Goncharov's novel "Oblomov" [Arkhetip ognya v romane I.A. Goncharova "Oblomov"]], *The spiritual life of the province. Images. The characters. Picture of the world, Proceedings of Russian scientific conference [Dukhovnaya zhizn' provintsii. Obrazy. Simvoly. Kartinamira, Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii]*, UlSTU, Ulyanovsk, pp. 40-46.
12. Zvinyatskovskii V.Ya. (2003), Mythologem of the fire in novel "Oblomov" ["Mifologema ognya v romane "Oblomov"]], Goncharov I.A., *Proceedings of the international conference on 190th anniversary of I.A. Goncharov [Goncharov I.A., Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 190-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Goncharova]*, Korporatsiya tekhnologii prodvizheniya, Ulyanovsk, pp. 82-92.
13. Krasnova, E. V. (2003), "Mother's Sphere" in the novels of Ivan Goncharov ["Materinskaya sfera" v romanakh I. A. Goncharova], Goncharov I.A., *Proceedings of the international conference on 190th anniversary of I.A. Goncharov [Goncharov I.A., Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 190-letiyu so dnya rozhdeniya I. A Goncharova]*, Korporatsiya tekhnologii prodvizheniya, Ulyanovsk, pp. 186-194.
14. Krasnova, E. (2000), "Flemish style of Oblomov: the theme of "food" and its function in the novel "Oblomov" ["Flamandski stil' Oblomova: motiv "edy" i ego funktsii v romane "Oblomov"]], in *Preparing for literature lesson. 10th grade. A teacher's book [Ya idu na urok literatury. 10 klass. Kniga dlya uchitelya]*, Pervoe sentyabrya, Moscow, pp. 50-62.
15. Likhachev, D.S. (1979), *The Poetics of Old Russian literature [Poetika drevnerusskoi literatury]*, Nauka, Moscow, 303 p.
16. Loshchits, Yu. M. (2004), *Goncharov*, Molodaya gvardiya, Moscow, 368 p.
17. "A tale of Woe-Misfortune" ["Povest' o Gore-Zlochastii"], in *Library of Russian fiction. In 20 vols. Vol. 2. [Biblioteka russkoi fantastiki. V 20-i tt. T. 2]*, Sovetskaya Rossiya, Moscow, 1990, pp. 7-19.
18. "St. Isaac the Syrian. Ascetic words ..." ["Prepodobnyi Isaak Sirin. Slova podvizhicheskie..."], available at <http://www.hesychasm.ru/library/isaaksr/>

19. "The Legend of Eustace Plakida" ["Skazanie ob Evstafii Plakide"], in Library of Russian fiction. In 20 vols. Vol 1. [Biblioteka russkoi fantastiki. V 20 tt. T. 1], Sovetskaya Rossiya, Moscow, 1990, pp. 42-52.
20. Starosel'skaya, N.D. (1990), *I.A. Goncharov's novel "The Precipice"* [Roman I.A. Goncharova "Obryv"], Moscow, 223 p.
21. Urtmintseva, M.G. (2006), "Portraiture in Goncharov's novel "Oblomov" [Portret-naya zhivopis' v romane I.A. Goncharova "Oblomov"], *Literatura v shkole*, No. 2, pp. 19-22.
22. "The Blessed Virgin Mary walking through Hell" ["Khozhdenie Bogoroditsy po mukam"], in *Library of Russian fiction: In 20 vols. Vol. 1* [Biblioteka russkoi fantastiki: V 20 tt. T. 1], Sovetskaya Rossiya, Moscow, 1990, pp. 27-31.